

... Мы недавно поженились. Еще ходили по улице и держались за руки, даже если в магазин шли... Я говорила ему: «Я тебя люблю». Но я еще не знала, как я его любила... Не представляла... Жили мы в общежитии пожарной части, где он служил. Это была его служба. Всегда я в курсе: где он, что с ним? Среди ночи слышу какой-то шум. Выглянула в окно. Он увидел меня: «Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду».

Самого взрыва я не видела. Только пламя. Все словно светилось... Все небо... Высокое пламя. Копоть. Жар страшный. А его все нет и нет. Уехали они без брезентовых костюмов, как были в одних рубашках, так и уехали. Их не предупредили, их вызвали на обыкновенный пожар...

В семь часов мне передали, что он в больнице. Я побежала, но вокруг больницы уже стояла колымага милиции, никого не пускали. Одни машины «Скорой помощи» заезжали. Милиционеры кричали: «Машины зашкаливают, не приближайтесь!» Я бросилась искать свою знакомую, она работала врачом в этой больнице. Многие врачи, медсестры, особенно санитарки этой больницы через какое-то время заболеют... Умрут... Но никто тогда этого не знал...

В десять утра умер оператор Шишенок... Он умер первым... Мы узнали, что под развалинами остался второй - Валера Ходемчук. Так его и не достали. Забетонировали. Но мы еще не знали, что они все - первые...

Спрашиваю: «Васенька, что делать?» - «Уезжай отсюда! Уезжай! У тебя будет ребенок». А я - беременная. Но как я его оставлю?

Врачи почему-то твердили, что они отравились газом, никто не говорил о радиации. А город заполнился военной техникой, перекрыли все дороги... МЫЛИ УЛИЦЫ КАКИМ-ТО БЕЛЫМ ПОРОШКОМ... Военные ходили в респираторах... Горожане несли хлеб из магазинов, открытые кульки с булочками... Пирожные лежали на лотках...

Вечером в больницу не пропустили... Солдаты, уже стояли солдаты, нас отталкивали. Тогда вышел врач и подтвердил, что они полетят на самолете в Москву, но нам нужно принести им одежду, - та, в которой они были на станции, сторела. Автобусы уже не ходили, и мы бегом через весь город. Прибежали с сумками, а самолет уже улетел... Нас специально обманули... Чтобы мы не кричали, не плакали...

К вечеру у меня открылась рвота. Я - на шестом месяце беременности. Мне так плохо...

Ночью сплю, - он меня зовет, пока он был жив, звал меня во сне: «Люся! Люсенька!» А когда умер, ни разу не позвал. Ни

разу... (Плачет.) Встаю я утром с мыслью, что поеду в Москву. Сама... «Куда ты такая?» - плачет мать. Собрали в дорогу и отца. Он снял со сберкнижки деньги, которые у них были. Все деньги.

Шестая больница - на «Щукинской»... В эту больницу, специальная радиологическая больница, без пропусков не пускали. Кого-то опять просила, молила... И вот сижу в кабинете у заведующей радиологическим отделением. Она сразу меня спросила:

- У вас есть дети?
Уже понимаю, что надо скрыть мою беременность. Не пустит к нему! Хорошо, что я

худенькая, ничего по мне заметно.

- Есть, - отвечаю.
- Сколько?
Думаю: «Надо сказать, что двое. Если один - все равно не пустит».
- Мальчик и девочка.
- Раз двое, то рожать, видно, больше не придется. Теперь слушай: центральная нервная система поражена полностью, костный мозг поражен полностью...
«Ну, ладно, - думаю, - станет немножко нервным».

Встретилась тогда много хороших людей, я не всех запомнила... Мир сузился до одной точки... Укоротился... Он... Только он... Помню санитарку, которая меня учила: «Есть болезни, которые не излечиваются. Надо сидеть и гладить руки».

Через три дня предложили, что можно жить в гостинице для медработников, на территории самой больницы. Боже, какое счастье!!

КОГДА МЫ БЫЛИ

ЧАЭС любви

Из «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич

- Но там нет кухни. Как я буду им готовить?

- Вам уже не надо готовить. Их желудки перестают воспринимать еду.

Он стал меняться - каждый день я встречала другого человека... Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке, щеках сначала появились маленькие язвочки, потом они разрослись... Пластами отходила слизистая... Пленочками белыми... Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серобурый... А оно такое все мое, такое любимое! Это нельзя сказать! Это нельзя написать!

Девятого мая... Он всегда мне говорил: «Ты не представляешь, какая красивая Москва! Особенно на День Победы, когда салют. Я хочу, чтобы ты увидела». Сажу возле него в палате, открыл глаза:

- Сейчас день или вечер?
- Девять вечера.
- Открывай окно! Начинается салют!

Я открыла окно. Восьмой этаж, весь город перед нами! Букет огня взметнулся в небо.
- Вот это да!

- Я обещал тебе, что покажу Москву. Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы...

Оглянулась - достает из-под подушки три гвоздики. Дал медсестре деньги - и она купила.

Мне не разрешали его обнимать... Но я... Я поднимала и сажала глаза... Перестилала постель... Ставила градусник и вынимала... Приносила и уносила судно... Об этом никто ничего не говорил...

Вызвали всех его родственников. Младшая Наташа, ей было четырнадцать лет, очень плакала и боялась. Но ее костный мозг подошел лучше всех... (Замолкает.) Я уже могу об этом рассказывать...

Раньше не могла... Я десять лет молчала... Десять лет. (Замолкает.)

Когда он узнал, что костный мозг берут у его младшей сестрички, наотрез отказался: «Я лучше умру. Не трогайте ее, она маленькая». ...Ему стало так плохо, что я уже не могла отойти, ни на минуту. Звал меня постоянно. Звал и звал... Стул двадцать пять - тридцать раз в сутки...

Нас специально обманули... Чтобы мы не кричали, не плакали...

ЧАЭС любви

Из «Чернобыльской молитвы» Светланы Алексиевич

- Тогда, если родится мальчик, пусть будет Вася, а если девочка - Наташка.

Пока я с ним... Этого не делали... Но, когда уходила, его фотографировали... Одежды никакой. Гольи. Одна легкая простыночка поверх. Я каждый день меняла эту простыночку, а к вечеру она вся в крови. Поднимаю его, и у меня на руках остаются кусочки его кожи, прилипают. Выйду из палаты в коридор... И иду на стенку на диван, потому что я их не вижу. Говорю дежурной медсестре: «Он умирает». Она мне отвечает: «А что ты хочешь? Он получил тысячу шестьсот рентген, а смертельная доза четыреста. Ты сидишь возле реактора».

Дальше... Последнее... Помню вспышками... Обрыв...

В то утро Таня Кибенок так меня просила, молила: «Поедем со мной на кладбище. Я без тебя не смогу». В то утро хоронили Витю Кибенка и Володю Правика...

Вернулась с кладбища, быстро звоню на пост медсестре: «Как он там?» - «Пятнадцать минут назад умер». Как? Я всю ночь у него. Только на три часа

отлучилась! Стала у окна и кричала: «Почему? За что?» Смотрела на небо и кричала... На всю гостиницу... Ко мне боялись подойти... Опомнилась: напоследок его увижу! Увижу! Скатилась с лестницы... Он лежал еще в барокамере, не увезли... Последние слова его: «Люся! Люсенька!» - «Сейчас прибежит», - успокоила медсестра. Вздохнул и затих...

Уже я от него не оторвалась... Шла с ним до гроба... Хотя запомнила не сам гроб, а большой полиэтиленовый пакет... Этот пакет... В морге спросили: «Хотите, мы покажем вам, во что его оденем».

Хочу! Одели в парадную форму, фуражку наверх на грудь положили. Обуть не обули, не подобрали обувь, потому что ноги распухли... Парадную форму тоже разрезали, натянуть не могли, целого тела уже не было... Все - рана... В больнице последние два дня... Подниму его руку, а кость шатается, болтается кость, тело от нее отошло... Кусочки легкого, кусочки печени шли через рот... Захлебывался своими

Ни один размер обуви невозможно натянуть... Положили в гроб босого...

внутренностями... Обкручу руку бинтом и засуну ему в рот, все это из него вытребаю... Это нельзя рассказать! Это нельзя написать! Это все такое родное... Такое любимое... Ни один размер обуви невозможно было натянуть... Положили в гроб босого...

На моих глазах... В парадной форме его засунули в целлофановый мешок и завязали... И этот мешок уже положили в деревянный гроб... А гроб еще одним мешком обвязали... Целлофан прозрачный, но толстый, как клеенка... И уже все это поместили в оцинковый гроб... Втиснули... Одна фуражка наверху осталась...

Съехались все... Его родители, мои родители... Купили в Москве черные платки... Нас принимала чрезвычайная комиссия. И всем говорила одно и то же, что отдать вам тела ваших мужей, ваших сыновей мы не можем, они очень радиоактивные и будут похоронены на московском кладбище особым способом. В запаянных цинковых гробах, под бетонными плитами. И вы должны этот документ подписать... Если кто-то возмущался, хотел увести гроб на родину, его убеждали, что они, мол, герои и теперь семье уже не принадлежат. Они уже государственные люди... Принадлежат государству.

На кладбище нас окружили солдаты... Шли под конвоем... И гроб несли... Никого не пустили... Одни мы были... Засыпали моментально. «Быстро! Быстро!» - командовал офицер. Даже не дали гроб обнять... И - сразу в автобусы...

Мне было двадцать три года...

Через два месяца я приехала в Москву. С вокзала - на кладбище. К нему! И там, на кладбище, у меня начались схватки... Только я с ним заговорила... Вызвали «скорую»... Мне показали... Девочка... «Наташенька, - позвала я. - Папа назвал тебя Наташенькой». На вид здоровый ребенок. Ручки, ножки... А у нее был цирроз печени... В печени - двадцать восемь рентген... Врожденный порок сердца... Через четыре часа сказали, что девочка умерла... И опять, что мы ее вам не отдадим! Как это не отдадите?! Это я ее вам не отдам! Вы хотите ее забрать для науки, а я ненавижу вашу науку! Ненавижу! Она забрала у меня сначала его, а теперь еще хочет... Не отдам! Я похороню ее сама. Рядом с ним... (Молчит.)

Все не те слова вам говорили... Не такие... Нельзя мне кричать после инсульта. И плакать нельзя. Потому и слова не такие... Но скажу... Еще никто не знает... Когда я не отдала им мою девочку... Нашу девочку... Тогда они принесли мне деревянную коробочку: «Она - там». Я посмотрела... Ее запеленали... Она в пеленочках... И тогда я заплакала: «Положите ее у его ног Скажите, что это наша Наташенька».

...Родила мальчика. Теперь у меня есть кто-то, кем я дышу и живу. Он прекрасно все понимает: «Мамочка, если я уеду к бабушке на два дня, ты дышать сможешь?» Не смогу! Боюсь на день с ним разлучиться. Мы шли по улице... И я, чувствую, падаю... Тогда меня разбил инсульт... Хватанула его за руку. У него рука долго была синяя. Теперь выходим из дома: «Мамочка, только не хватай меня за руку. Я никогда от тебя не уйду». Он тоже болеет: две недели в школе, две дома с врачом. Вот так и живем. Боймся друг за друга. А в каждом углу Вася. Его фотографии... Ночью с ним говорю и говорю...

Людмила Игнатенко, жена погибшего пожарного Василия Игнатенко

Фото Владимира Блинова

ПОДВЕРГНУВ ВСЮ СТРАНУ ЭКСПЕРИМЕНТУ, МИНАТОМ ВРЕТ И НАМ, И ПРЕЗИДЕНТУ

Как известно, в прошлом году были приняты законы, разрешающие ввозить в Россию отработанное ядерное топливо (ОЯТ) зарубежного происхождения. Уже тогда было очевидно, что затея эта не принесет стране никакой пользы, а только прямой вред.

Передо мной — отчет Счетной палаты о проверке выполнения федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами», направленный в Государственную Думу Сергеем Степашиным 25 января. В целом состояние с РАО и ОЯТ оценивается Счетной палатой как **кризисное**.

Фракция «ЯБЛОКО» последовательно выступала с резкой критикой этих законов, разрешающих ввозить в Россию ОЯТ. Ни депутаты, ни правительство, ни президент тогда не прислушались к нашим аргументам. Сегодня, по прошествии девяти месяцев, мы представляем неопровержимые доказательства по каждому из них.

Наши аргументы против ввоза ОЯТ

В числе аргументов, которые мы выдвигаем, были следующие.

1. **Минатом до сих пор не научился обращаться с радиоактивными отходами (РАО).** Эта проблема никогда не числилась в приоритетах атомного ведомства. Технологии работы с РАО находятся на допотопном уровне. И это — в стране, где собственных отходов скопилось суммарной активностью на шесть миллиардов кюри. А в результате ввоза в Россию иностранного ОЯТ их станет намного больше.

2. **Нет никаких гарантий того, что деньги, полученные от сделок, пойдут на строительство необходимых хранилищ и реализацию экологических программ.** Ведь атомное ведомство и

сегодня имеет немалые доходы. Почему же они сегодня хотя бы частично не направляются на утилизацию отечественных РАО? И где гарантии, что Минатом будет направлять на эти цели средства от ядерных сделок? Поправки «ЯБЛОКА», направленные на создание таких гарантий, были отвергнуты. Скорее всего, говорили мы, эти деньги будут разбазарены и (или) разворованы.

3. **Решение о ввозе зарубежного ОЯТ резко увеличивает количество мишеней для ядерных террористов** — как доморощенных, так и международных. А состояние физической защиты наших ядерных объектов оставляет желать много лучшего.

Хотели, как лучше...

В уже упомянутом отчете Счетной палаты о проверке выполнения федеральной целевой программы «Обращение с радиоактивными отходами и отработавшими ядерными материалами», черным по белому написано, что **Минатом «не смог преодолеть ведомственный подход к проблеме, организовать перспективное планирование и продуманный отбор работ, обеспечить финансирование и выполнение приоритетных направлений».**

В стране, по утверждению Счетной палаты, отсутствуют Государственная концепция и законодательная база по обращению с РАО (соответствующий законопроект многократно отклонился Президентом, со дня на день Дума снимет его с рассмотрения). Отсутствует и ответственный за это орган исполнительной власти. Все это «существен-

но ограничивает возможности страны по привлечению международной финансовой помощи с целью решения этой проблемы».

Где доходы от отходов?

Тема международной помощи плавно подводит нас к вопросу о **разбазаривании и разворовывании средств** в системе Минатома. Аудитор счетной палаты беспристрастно констатирует, что «по имеющимся данным, в 1998-2000 годах в виде международной помощи на финансирование работ по обращению с радиоактивными отходами от иностранных государств и организаций было получено более 270 млн. долларов США. Учет внебюджетных средств (в рублях и валюте), привлеченных через различные организации для реализации программы РАО, в Минатоме не ведется и в отчетности не отражается». Отметим, что это только — «по имеющимся данным». Тем самым аудитор Бесхмельницын дает понять, что объем средств, девшихся неизвестно куда, намного превышает указанную сумму. Комментарии, как говорится, излишни.

На грани катастрофы

Наконец, **проблема защиты от терроризма.** Шесть лет назад вступил в силу закон «О финансировании особо радиационно опасных производств и ядерно опасных производств и объектов», предусматривающий финансирование их систем безопасности на 100% из бюджета. Счетная палата утверждает, что закон не выполняется. Мы готовы это подтвердить. Работая над поправками к бюджету на 2002 год, мы провели выборочную проверку финансирования систем безопасности ядерных объектов. С этой целью я даже специально приезжал на

расположенный в Красноярском крае Железногорский горно-химический комбинат. Выяснилось, что, несмотря на прямое требование закона, реальные потребности финансирования систем безопасности ГХК покрываются лишь на 10-20%. С другими объектами дело обстоит еще хуже. Мы предложили в срочном порядке выделить на эти цели в бюджете два миллиарда рублей: после терактов в США казалось логичным усилить охрану сооружений, которые могут стать мишенями для террористов. Поразила реакция атомных чиновников, которые обещали прислать, но так и не прислали нам справки, необходимые для обоснования нашей поправки в бюджет. В результате запрошенная нами сумма была сокращена в два раза. А в феврале нынешнего года на парламентских слушаниях по проблемам экологической безопасности представитель Минатома заявил, что на объектах, принадлежащих его ведомству, проблем ни с утечками, ни с безопасностью нет. Президенту поспешили заявить, что с этим у нас все спокойно. Следовательно, дополнительного финансирования на эти цели не требуется...

После проникновенной речи представителя Минатома в Госдуме я вновь побывал в Железногорске. Группе из нескольких человек, в которую входил и я, удалось беспрепятственно совершить прогулку по вроде бы закрытой территории комбината и дойти до хранилища отходов. Будь на нашем месте террористы Хаттаба или бен Ладена — не миновать беды страшнее Чернобыля.

С. Митрохин,
депутат Государственной Думы,
фракция «ЯБЛОКО».

ПОЛЕЗНЫЙ СПРАВОЧНИК ОТХОЖИХ МЕСТ

При нынешнем состоянии с ядерной безопасностью в России катастрофа возможна практически в любом ее регионе. Вот самые «болевые» точки страны:

Амурская область. В рамках Федеральной целевой программы модернизации региональных спецкомбинатов «Радон» Минатом должен выделять средства на реконструкцию Благовещенского комбината. Но программа не выполняется, емкости на сегодня практически заполнены.

Астраханская, Ивановская, Пермская области и Якутия. На этих территориях высок риск возникновения радиационных аварий, радиоактивного загрязнения и переоблучения населения. Причина: неудовлетворительное финансирование и недостатки в использовании бюджетных и внебюджетных средств.

Вологодская область. В 1996 году на границе Костромской и Вологодской областей, в районе станции Буй, была задержана железнодорожная платформа, на которой перевозилась закись-окись урана. Из за сильного удара контейнеры со смертоносным грузом были серьезно повреждены. Платформа шла транзитом по железной дороге в Санкт-Петербург.

Воронежская область. На Нововоронежской АЭС в 90-е годы зафиксировано два серьезных инцидента. В 1996 году был сбой системы управления и защиты реактора и системы внутриреакторного контроля. Персонал перестал получать объективную информацию о состоянии реактора. В 1998 году обнаружены трещины на сварном шве парогенератора — причина в их длительной эксплуатации!

В Кемеровской области в ноябре прошлого года произошла авария, связанная с транспортировкой ядерных отходов. Литерный поезд с отходами шел по обычному пути и повредил его. Через четыре часа там же пошел другой поезд, который перевозил цистерны с соединениями хлора. Один из вагонов перевернуло.

Красноярский край. На территории края расположен Железногорский горно-химический комбинат. Именно там предполагается постро-

Прочти
и передай товарищу

ить завод по переработке ОЯТ, завозимого со всего мира. При этом система безопасности уже существующего производства финансируется лишь на 10-20% от потребностей.

Мурманская область. Хранилища Мурманского спецкомбината «Радон» не модернизировались с 1960 года, технологии морально устарели. Кроме того в 1993 году в Мурманске-60 «перепутали» контейнеры — вместо пустого под погрузку был подан контейнер с отработавшими тепловыделяющими элементами активной зоны реактора подводной лодки. Произошло переоблучение персонала.

Новосибирская область. Самый опасный объект — Новосибирский завод химконцентратов.

В 1994 и 1995 на территории предприятия, которое производит топливо для атомных реакторов вспыхивали пожары. В 1997 году на заводе произошла неконтролируемая цепная реакция. Ее вспышки продолжались двое суток.

Приморский край. В 1985 году на судоремонтном заводе в Шкотово-22 при перезарядке активных зон реакторов подводной лодки произошла неуправляемая ядерная реакция. Десять человек тогда погибли, двести девяносто подверглись облучению. Радиацией было заражено побережье и акватория.

Ростовская область. В результате невыполнения Федеральной целевой программы, связанной с модернизацией региональных спецкомбинатов «Радон», емкости на Ростовском комбинате сегодня практически заполнены. Прием отходов прекращен.

Саратовская область. На Балаковской АЭС даже в благополучные советские времена случались серьезные аварии. Так, в 1985 году при разрыве трубопровода на станции погибли 13 человек. В 1987-1991 годах на АЭС выходили из строя парогенераторы. В 1997 году произошло радиоактивное загрязнение кровли машинного зала.

Свердловская область. Самые опасные объекты Свердловской области — Белоярская АЭС и Уральский электрохимический комбинат, занимающийся обогащением урана. Серьезные инциденты были в прошедшем десятилетии на обоих. На Белоярской АЭС в 1992 году из-за халатности персонала было затоплено помещение обслуживания насосов хранилища жидких отходов. Последний инцидент на Белоярской АЭС произошел совсем недавно — 29 января была обнаружена неисправность на единственном работающем блоке.

На электрохимическом комбинате в апреле 1995 года произошло газовыделение урана, причиной которого стала разгерметизация фильтра и забытые технологические коммуникации. В 1999 году на комбинате произошел взрыв жидкого кислорода. Рядом находилась емкость, содержащая соединения урана.

Татарстан. При переработке ОЯТ получается годное к вторичному использованию плутониевое МОХ-топливо — исключительно

опасное для окружающей среды и работающего с ним персонала. Сжигать его будут неподалеку — на строящейся Башкирской АЭС.

Стройка ведется в поселке Агидель на границе с Актанышским районом Татарстана. Низкоактивные отходы будут стекать в Каму. Высокоактивные — храниться неподалеку. Идут разговоры и о возобновлении строительства Татарской АЭС.

Тверская область. На Калининской АЭС в прошедшем десятилетии был зафиксирован целый ряд инцидентов. Самый серьезный в 1990 году, когда на крышу деаэрационной этажерки и машинного зала блока №1 пролилось 20 кубометров радиоактивной воды. Затем эта мертвая вода попала в озеро Песьюво.

Томская область. Сибирский химический комбинат — крупнейшее в мире предприятие по производству оружейного плутония. За сорок лет работы комбината зарегистрировано около тридцати аварийных инцидентов. Самая серьезная авария произошла в апреле 1993 года, когда произошло радиоактивное загрязнение более чем ста квадратных километров территории. Если бы радиоактивное облако двинулось в сторону пятистотысячного Томска, последствия могли бы быть сравнимыми с Чернобылем.

Удмуртия. В Глазове расположен Челябинский механический завод — предприятие ядерного топливного цикла. В 1992 году на рынке Ижевска трое человек пытались продать материалы изготовленные из урана. По результатам проверки оказалось, что пропало 300 кг урана. В 1999 году на железной дороге был задержан вагон, из которого свисал контейнер. Как оказалось, в контейнере был концентрат природного урана(!).

Челябинская область. С 1990 года на «Маяке» отмечено как минимум 19 инцидентов. В 2000 году комбинат был на полтора часа отключен от электроснабжения. Энергетика региона находится в кризисном состоянии и не смогла обеспечить бесперебойную подачу электричества.